МУРЗИЛКА

№ 11

Журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для школьников младших классов

НОЯБРЬ 1960

ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСЕНКА

Слова Г. МАМЛИНА
Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА
Рис. Б. МАЛЕНКОВСКОГО

Звёзды алые горят.
Флаги, взвейтесь выше!
Эту песню октябрят
Все на свете слышат.

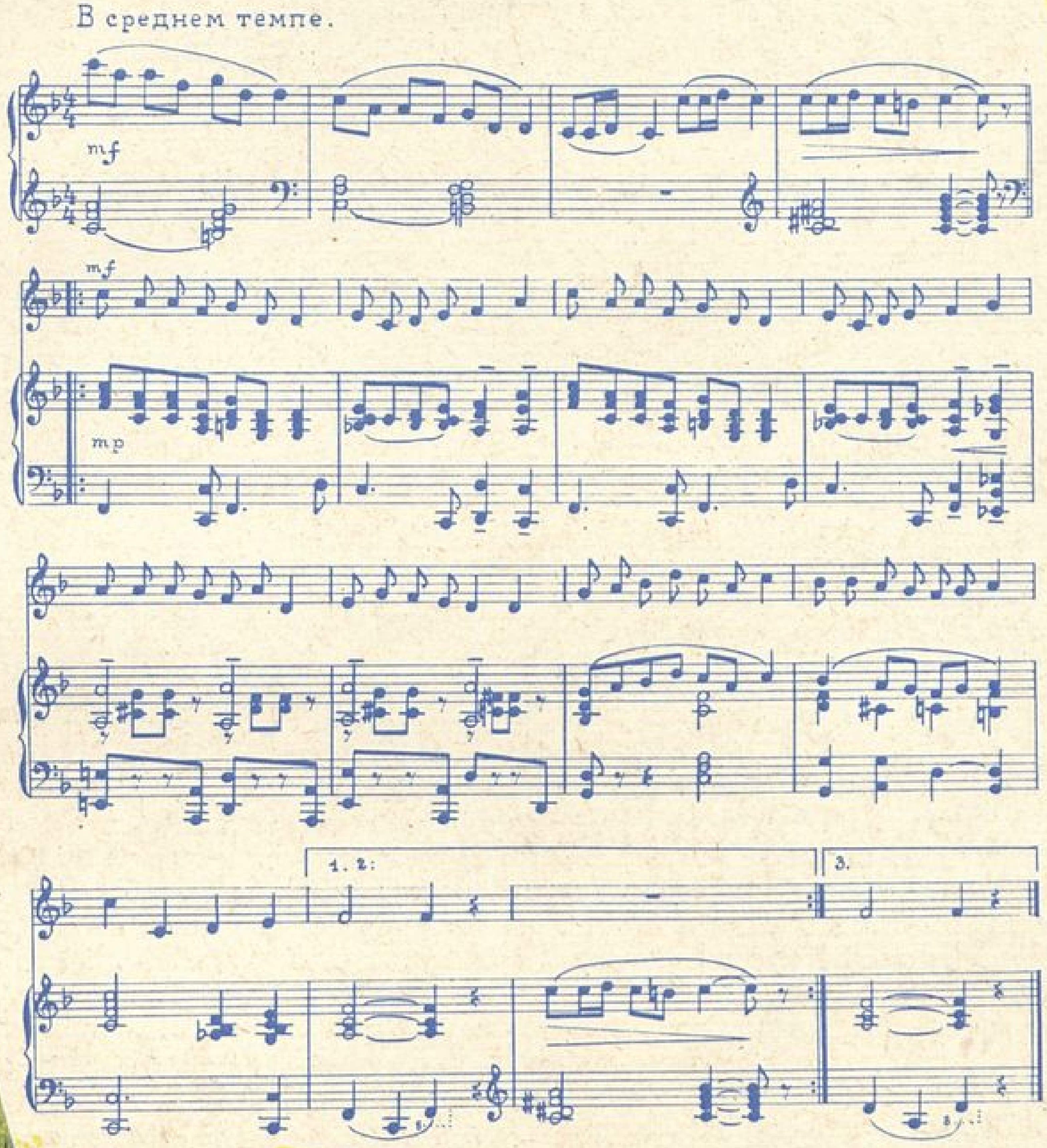
Припев:
Эй, быстрей вставай, заря,
Разгорайся шире!
Здравствуй, праздник Октября,
Здравствуй, праздник Октября —
Главный праздник в мире!

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
4-61-2245

За отцами вслед спеши,
Не отстань от брата.
Мы не просто малыши —
Все мы октябрята.

Припев:

Эй, быстрей вставай, заря,
Разгорайся шире!
Здравствуй, праздник Октября,
Здравствуй, праздник Октября —
Главный праздник в мире!



С. ГАРБУЗОВ
Рис. А. БРЭЯ

РЯДОМ С ТОБОЙ

Два мальчика шли в школу. Слава Сдобнов и Костя Волгин. А ночью лил без конца дождь. И вдоль тротуаров текли широкие потоки.

Школа — по ту сторону улицы. Слава — он ростом повыше Костика, да и сил у него побольше — разогнался и перепрыгнул на сухое место. Костя примерился было прыгнуть, да не решился. Так и остался стоять на тротуаре.

— Ха-ха-ха, не может, не может, трусишка! — стал дразнить товарища Слава.

Проходил тут мимо сосед Сдобновых — Пётр Лаврентьевич. Славик знает, он с отцом в одном цехе работает. Когда папа брал Славика на первомайскую демонстрацию, они шли вместе в одном ряду. Остановился Пётр Лаврентьевич, головой покачал, потом подал Косте руку и помог ему перебраться на другую сторону улицы.

Дальше они шли рядом. Пётр Лаврентьевич всё поглядывал на мальчиков, а потом говорит Славику:

— У нас в цехе так товарищи не поступают.

— А как поступают у вас в цехе? — спросил Слава.

— Попроси отца, он расскажет. Только обязательно попроси. Обещаешь?

Посмотрел Славик в глаза Петру Лаврентьевичу, и почему-то стало ему очень не по себе.

...После обеда отец сел в кресло и развернул газету. Славик за своим столиком стал решать задачи. Но ответы не сходились. Наверное, потому, что думал Славик о другом.

— Папа, — позвал он и подошёл к отцу. — А мы сегодня, когда в школу шли, Петра Лаврентьевича повстречали.

— Да, заболел он. Наверное, к врачу ходил.

— Потом Костик не мог через воду перепрыгнуть. Я засмеялся, а Пётр Лаврентьевич говорит: «У нас в цехе так товарищи не поступают». Папа, а как поступают у вас в цехе?

Иван Андреевич задумался.

— А вот как... Приходи завтра прямо после школы к нам на завод. Я скажу вахтеру, чтобы тебя пропустили. Там и увидишь.

Вахтером оказалась тётенька в чёрной суконной шинели.

— Ивана Андреевича сынок? — спросила она. — Проходи, отец наказывал... Пойдёшь прямо по двору до садика. А там поверни направо, к большому красному корпусу.

Возле садика на высоких шестах укреплены большие портреты. Над ними золотом сияют слова: «Следуй примеру ударников коммунистического труда». Славик стал разглядывать портреты. «Токарь Григорий Яворский», — прочитал он под самым первым. На втором было нарисовано женское лицо. Сверловщица. Фамилия очень трудная, Славик так и не смог её запомнить. А с третьего на Славика смотрел папа. Только на портрете он был совсем не такой, как дома, — строгий, торжественный.

Не успел Славик рассмотреть все портреты, как воздух прорезали звуки гудка. Двери цеха распахнулись, и из них вышел папа.

— Вот хорошо, как раз к перерыву поспел, — сказал он сыну. — Ну, пойдём в цех.

Они пошли рядом мимо молчавших, застывших станков. Пахло калёным железом и перегорелым маслом. Знакомый запах. Так всегда пахло от отца, когда он приходил с работы.

— Мой, — папа похлопал рукой по чёрной

станине, — сейчас я покажу тебе, что сегодня делаю.

Он перевёл рукоятку, нажал кнопку, и, зажатый с обоих концов, стальной вал быстро завертелся. У Славика даже в глазах зарябило, и он не сразу заметил выползавшую из-под резца отливающую синевой стружку.

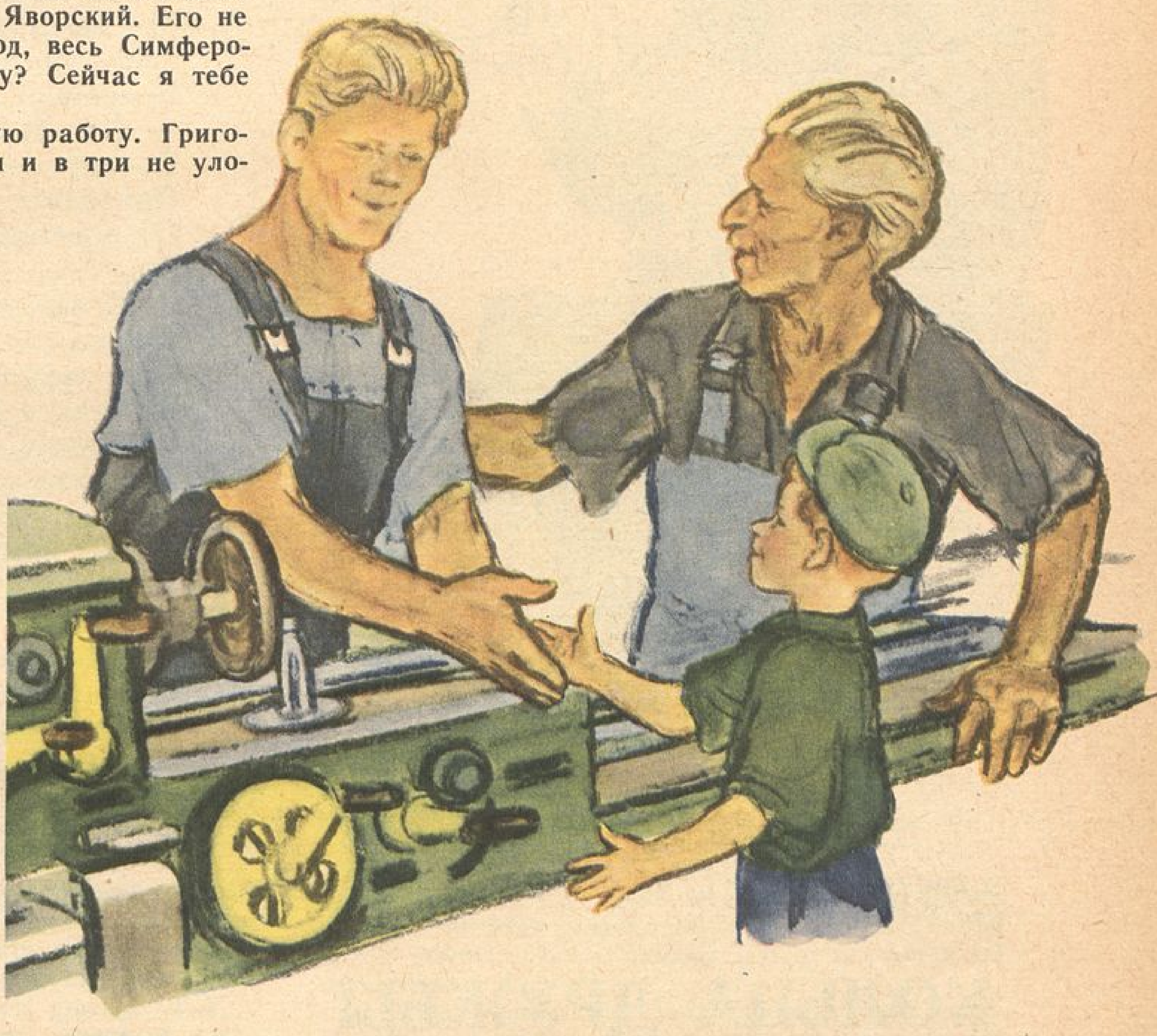
— Папа, можно, я возьму кусочек? — попросил он отца.

— Только осторожно, не обожгись, горячая...

Стружка согревала ладонь. И то, что пальцы были в чём-то вымазаны, было приятно.

— А вот на этом, — отец показал на соседний станок, — работает Григорий Яворский. Его не только наш цех, его весь завод, весь Симферополь знает и уважает. Почему? Сейчас я тебе объясню.

Как-то дали нам одинаковую работу. Григорий в два дня справился, а я и в три не уложился. На следующей неделе повторили тот же заказ. Смотрю, подходит Григорий к моему станку раз, другой, присматривается. А потом говорит: «Прости, Иван Андреевич, ты хоть и постарше меня, но хочу я тебе совет дать...» И показал, как по-другому резцы заточить, какие скорости выбрать, чтобы быстрей дело пошло. Час он со мной провозился, не меньше. И на другой день и на третий. Но научил. Стал и я так же, как Яворский, работать. Многих он у нас в цехе научил. Не жалеет ни труда, ни времени. У него правило такое: «Рядом со мной не должно быть отстающих». Потому и присвоили ему первому на нашем заводе звание ударника коммунистического труда.



«Рядом со мной не должно быть отстающих...» Ёкнуло сердце у Славика. Вспомнил он товарища на тротуаре, укоризненный взгляд Петра Лаврентьевича. Так вот почему он сказал: «У нас в цехе так товарищи не поступают».

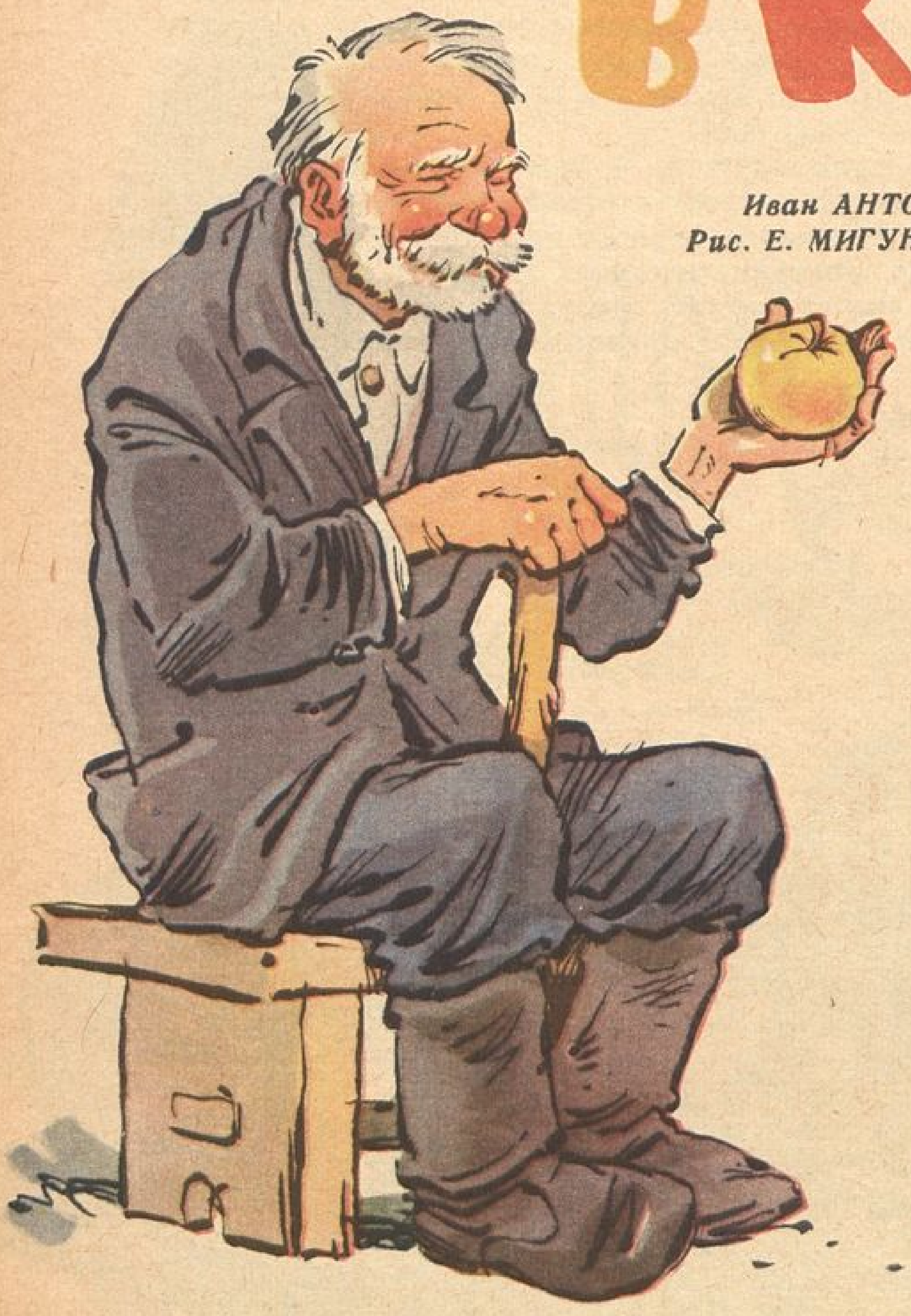
А Иван Андреевич всё рассказывал Славику про Григория Яворского. Видно, любил он этого человека.

Отец у Григория был солдатом. Он пал смертью храбрых, обороняя Севастополь. Остался Григорий с матерью и сестрой. Чтобы сестра могла учиться дальше, оставил школу и пошёл работать. Так всегда — прежде всего о других, потом о себе думает Григорий Яворский. Недавно ему предложили квартиру в заводском доме. А он отказался: «Есть у нас женщины-работницы, им потрудней, пусть они в заводской дом вселяются. Я молод, здоров, своими руками себе дом построю...» Вот какой он, наш Григорий! Подумаешь, что рядом с тобой живут и трудятся такие люди, самому хочется много-много полезного для других сделать. Чтобы и о тебе добрая слава шла.

Славик слушал, а сам всё посматривал на двери цеха. Очень хотелось ему увидеть Григория Яворского, первого на папином заводе ударника коммунистического труда.

...Он узнал его сразу. Совсем такой, как на портрете. Лицо приветливое, открытое. Руки большие, рабочие. Такие руки никогда не поднимутся, чтобы обидеть человека, но зато они всегда готовы поддержать слабого. Григорий пожимает своей большой крепкой ладонью маленькую руку Славика, и мальчику кажется, что его мускулы наливаются силой, плечи расправляются и русый вихор сползает на лоб совсем как у Яворского. Да, он будет таким же! И никогда, никогда не оставит товарища в беде! Всегда будет прежде всего думать о тех, кто рядом. Чтобы и на него люди смотрели с такой же теплотой, чтобы и о нём говорили так же хорошо, как об этом рабочем человеке — токаре Григории Яворском с Симферопольского электромеханического завода.

ВКУСНЫЙ



Иван АНТОНОВ
Рис. Е. МИГУНОВА

В школьный яблоневый сад
Заглянула осень,
Листьев в солнечный закат,
Как в костёр, подбросив.
И решил совет ребят,
Что на Праздник сада
Гостя знатного позвать
Непременно надо.
— С добрым утром, дед Егор!
Почему вы грустный?
Приходите к нам на сбор,
Сбор сегодня вкусный. —
Дед Егор насупил взгляд:
— Я люблю затеи,
Только так не говорят,
Горе-грамотеи.
Что такое вкусный сбор?
И спрошу к тому же,
Для чего старик Егор
Вам на сборе нужен?
— Вы встречались с Ильичём,
Рассказать вам есть о чём. —
Улыбнулся дед Егор:
— Благодарен очень.
Где же будет этот сбор
Ваш сосредоточен? —
Привело звено ребят

З. ВОСКРЕСЕНСКАЯ
Рис. О. КОРОВИНА

КОЛЬЦА ДРУЖБЫ

Наступил май. Чёрные пашни вокруг села Шушенского покрылись нежной зеленью. Редкий, наполовину вырубленный лесок прихорошился. Дороги высохли.

Оскар сидел на завалинке и угрюмо наблюдал, как быстро мелькают спицы в руках старой хозяйки.

— Что, недужится, сынок? — спросила женщина.

Оскар ничего не ответил. Да и что было отвечать? Он сам не знает, что с ним. Недавно Владимир Ильич целый час расспрашивал его: где болит, как болит? Оскар толком объяснить не мог. Пропали силы — и всё, и это в двадцать два года! С руками беда, мешают. Ляжет спать — рука под боком как камень, идёт — руки по сторонам болтаются, сядет — не знает, куда их деть.

— Большая помеха для человека руки, — жаловался Оскар.

А Владимир Ильич смеётся.

— Вылечим вас, Оскар Александрович, непременно вылечим.

Удивительный он человек, Владимир Ильич. Всегда весел, и ссылка ему нипочём. Работает много, пишет, а успевает и на охоту сходить и какие-то мудрёные шахматные задачи решать. Вечерами Оскара просвещает: читают вместе политические книги.

Мимо пробежал соседский парнишка Лёнька с холщовой школьной сумкой через плечо. Взметнул босыми ногами облако пыли.

Был Оскар чуть побольше Лёньки, когда отец — финский рабочий — повёл его отдавать в люди. Остановились на Невском у витрины. За зеркальным стеклом на лиловом бархате были рассыпаны несметные сокровища: тонкие золотые цепочки с подвесками, тяжёлые браслеты, кольца и брошки с крохотными букетами из

СБОР

Без лишнего спора
В школьный яблоневый сад
Дедушку Егора.
Усадили на скамью
За накрытый столик.
Рассказал про жизнь свою
Дедушка-историк.
Кончил дед, а звеньевой
Потчует ранетом.
Плод, как осень, золотой,
Солнечный, как лето.
— Есть у нас для вас ещё
Яблочко с начинкой:
Сорт анисовки скрещён
С зимней боровинкой. —
Дед Егор плоды берёт,
Угощаясь, жмурится:
— Замечательнейший сорт!
Молодцы, мичуринцы!
Люди правду говорят:
Золотые руки. —
И добавил: — Аромат!
Отнесу старухе
И скажу, что дед Егор
Вас журил напрасно.
Очень вкусный вышел сбор.
Мне теперь всё ясно.

драгоценных камней. Были похожи эти камни то на капли мёда, то на утреннюю росу... «Вот и ты такие штучки будешь делать, — сказал отец, — я определил тебя к золотых дел мастеру». Мальчик даже зажмурился от радости. Он представил себе, как будет сидеть на бархатном стуле, в бархатном колпаке и каким-то необыкновенным шильцем мастерить эти сказочные вещи.

Первое, с чем познакомился Оскар, был ригель — длиннющий стальной палец, на котором правят кольца. Сколько шишек на голове Оскара насажал этим ригелем мастер Тайфер — не сосчитать. Тайфер никогда не называл его по имени, окликал презрительно: «Эй ты, чухна!»

Четыре года присматривал Оскар за хозяйскими детьми, бегал за ситным, за водкой, урывками обучался ювелирному ремеслу, а в шестнадцать лет распрощался с хозяином и нанялся на Путиловский завод.

Был ювелиром, стал токарем. Был просто учеником, которого всякий обидеть мог, стал смелым революционером. Хлипкий парнишка выровнялся в ладного питерского мастерового. О крепости его кулаков мог рассказать провокатор, которого разоблачили на заводе. Из-за этого провокатора и угодил Оскар в ссылку на три года.

...Оскар поднялся с завалинки и пошёл в избу, к себе в комнату. Лежал, закинув руки за голову: не то дремал, не то о чём-то думал.

Очнулся от тележного скрипа и ребячьего гомона. Подошёл к окну. Напротив, у дома Зыряновых, остановилась телега. На ней сидели две женщины в городских платьях, в шляпках. Орава ребятишек облепила телегу, и Лёнька был среди них.

— Да ведь это невеста Владимира Ильича приехала! — ахнул Оскар, выбежал из избы и в три прыжка перемахнул через улицу.

— Вы — Надежда Константиновна? Здравствуйте! — приветствовал Оскар девушку с тонкой талией, в серенькой блузке.

Девушка посмотрела на него смелыми светлосерыми глазами, и её пухлые губы дрогнули в весёлой усмешке.

— А вы, наверное, и есть болящий Оскар

Александрович? Что-то не похоже! Здравствуйте! — она протянула ему руку. — Познакомьтесь с моей мамой Елизаветой Васильевной. А почему Владимир Ильич нас не встречает? Он не болен?

— Они на охоту ушли, — разгребая пыль ногой, доложил Лёнька.

Мальчишки хором подтвердили.

— Владимир Ильич очень вас ждал, волновался, а вот сегодня, как нарочно, уехал на охоту, — попытался Оскар смягчить огорчительную весть.

— Что же нам делать? — улыбнулась Надежда Константиновна. — Неужели уезжать обратно?

— Никак нельзя, — решительно возразил Лёнька, — они к вечеру вернутся.

Оскар с мальчишками помог женщинам перетащить вещи в дом и ушёл к себе.

А вечером Лёнька постучал в окно и сказал, что его зовёт Владимир Ильич. Оскар стал приводить себя в парадный вид.

В доме Зыряновых было шумно, весело. Сияющий Владимир Ильич помогал Надежде Константиновне расставлять чашки и упрашивал её поскорее выдать подарки, а главное — не таить книги.

— Ну уж, нет, — отрицательно качала головой Надежда Константиновна. Она пыталась выглядеть сердитой, но глаза у неё смеялись. — За такую встречу подарки отменяются. Подарки получат только Лёня и Оскар Александрович, они нас хорошо встретили, — и Надежда Константиновна протянула Лёньке новую блестящую книжку с яркими картинками. — А вот лекарство от вашей болезни, — показала она Оскару на плетёную корзину.

— Да, да, да! Сильнодействующие пилюли, — подтвердил Владимир Ильич.

Оскар нерешительно подошёл к корзине, присел на корточки и стал её распаковывать. Развязал верёвки, поднял крышку. Видит — корзина наполнена какими-то свёртками в синей промасленной бумаге. Развернул один — и глазам не поверил: шперак — маленькая наковальня для ювелирных работ. Развернул другой, третий, четвёртый — полный набор ювелирных инструментов и на самом дне — ригель.

— А, ненавистный вам ригель! — воскликнул Владимир Ильич. — Дайте-ка взглянуть.

— Ненавистный, когда он в злой руке, — возразил Оскар и встал в величайшем смущении.

Две худенькие женщины четыре с половиной тысячи вёрст везли такую тяжёлую корзину. Одних пересадок сколько, а ведь где помогут, а где и самим тащить приходилось.

— Это вы виноваты, — сказал с укоризной Оскар Владимиру Ильичу, — я ведь не просил, нет, не просил, только мечту имел.

На токарном станке в деревне делать нечего

было, а вот ювелирной работы у здешних богатеев было много. Оскар как-то сказал об этом Владимиру Ильичу. Сказал — и забыл. А он помнил.

— Владимир Ильич такое письмо о вашей болезни написал, что мы готовы были тащить сюда токарный станок, — сказала, смеясь, Елизавета Васильевна, но Владимир Ильич сделал ей «страшные глаза» и приложил к губам палец.

Утром Оскар прибрал комнату, как к большому празднику: вымыл пол, выскоблил стол, постелил на нём кусок чистой холстины и разложил свои сокровища.

Он уже знал, с чего начать.

Вынул из кармана пятак, посмотрел на него: двуглавый орёл. Сразу вспомнил — полицейская кокарда, герб Российской империи. В правой лапе орёл сжимал скипетр, напомнивший Оскару ригель в руке мастера Тайфера.

Положил пятак на наковальню и со злостью хватил по нему молотком. Монета расплющилась. Оскар сбил монету в бесформенный комок красной меди и зажёг паяльную лампу. Скоро металл в лунке из угля расплавился и задрожал, как ртуть. Оскар вылил его в форму, сунул в ведро с водой и забыл обо всём на свете... Он пилил, шлифовал, правил на ригеле маленькое медное колечко, заблестевшее красным золотом. В полдень хозяйка пришла звать Оскара обедать, но он только рукой махнул. Некогда! Теперь у него была работа. Он глянул на свои руки. Жилы на них чуть-чуть вздулись, но руки стали лёгкие, живые и совсем не лишние. Растопырил пальцы и сжал их, растопырил и снова сжал. Весело!

Он работал, напевая какую-то финскую песенку. К вечеру сделал и второе кольцо. Вычертил замысловатый орнамент на листочке бумаги и оклеил им спичечную коробку.

По утренней росе побежал на берег Шуши. В то майское утро там цвели ландыши, одуванчики, курослеп. Оскар набрал цветов и связал их ниткой. Вынул колечко из коробки, солнце так и село на нём бриллиантовой каплей. Никогда он не видел кольца чудесней.

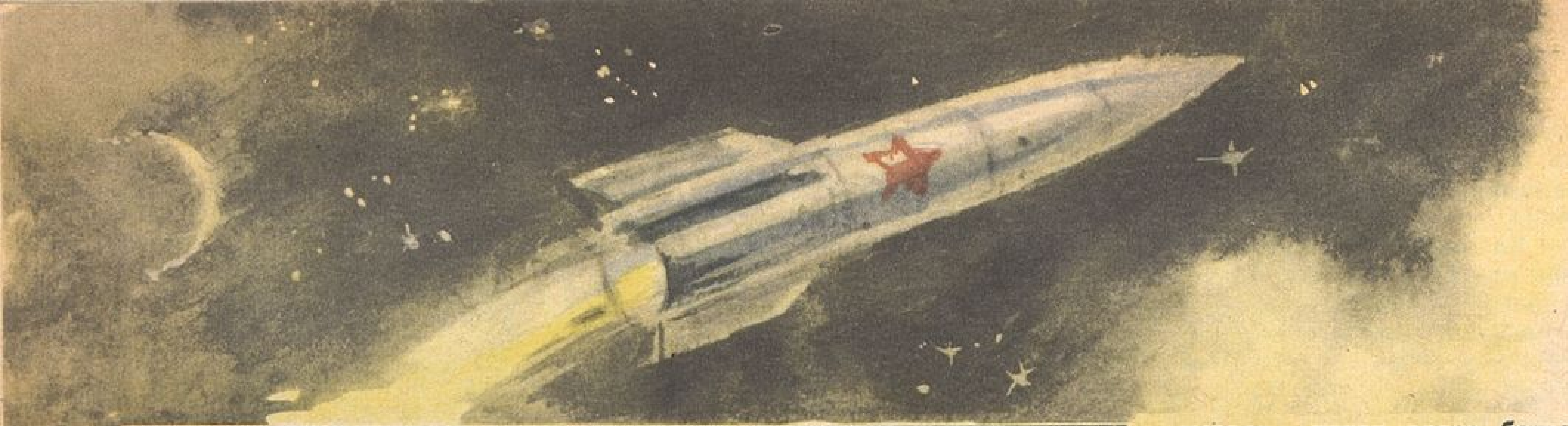
Оскар медленно пошёл к дому Зыряновых. Потом не вытерпел, сорвал с головы картуз и побежал. Ему хотелось поскорее отнести свой подарок Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

Сибирский ветер разносил по степи слова придуманной Оскаром песни о чистых озёрах, о душистых лесах и о самом большом счастье для человека — иметь хороших друзей.

* * *

Эти кольца хранятся в Центральном музее Владимира Ильича Ленина. От времени кольца потемнели, но они по-прежнему прекрасны. Потому что сделаны по велению сердца, руками, стосковавшимися по работе.

Это дар человеческой любви. Это кольца дружбы.



ОНИ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ КОСМОСА

Посмотрите, ребята, на этих собачек — Белку и Стрелку. Большую службу сослужили они людям.

Советские учёные посадили собачек на невиданный и неслыханный корабль-спутник. На этом спутнике полетели Белка и Стрелка далеко к звёздам, в космос. Семнадцать раз пролетел корабль с собачками вокруг земного шара. Прежние спутники не возвращались на Землю. А теперь наши учёные сумели так сделать, чтобы корабль из космоса вернулся.

Он мягко опустился на зелёный солнечный луг. Люди полетели туда на самолёте, потом на вертолёте. Все волновались: здоровы ли собачки? Открыли кабину. Первой весело прыгнула на траву Белка, за ней Стрелка! Ура! Всё благополучно! Они пролетели семьсот тысяч километров — почти вдвое больше, чем до Луны.

С собачек сняли белые капроновые «костюмчики». На Белку надели красивую зелёную попонку с блестящей застёжкой-«молнией», на Стрелку — красную. Собачки соскучились по Земле, они прыгали, ласкались к людям. Да и люди радовались. Ещё бы! Живые существа побывали в космосе, у самых звёзд и вернулись на Землю!

Не одни собачки вернулись. На корабле-спутнике собралась большая компания. Там были две белые крысы. В клетки посадили сорок мышей. В прозрачных колбах находились мухи. И всё живое благополучно вернулось из космоса.

Сразу же Белку, Стрелку и всю компанию повезли в Москву, в научный институт. По дороге лётчик спросил, зачем собачкам попонки. Учёный ответил:

— А вы разве не заметили: у собачек на теле провода, приборы. Одежда всё это придерживает, защищает, а то ещё проводок какой-нибудь оборвётся...

Собачки не просто путешествовали. Они разведали, что в космосе делается.

За Белкой и Стрелкой даже по телевизору следили, включали особый телевизор и смотрели, как собачки шевелят головами, лапами, как дышат, лают, получают кашу из автоматических кормушек. Всё было хорошо видно.

Белка и Стрелка уже много интересного «рассказали» учёным и ещё немало «расскажут».

Д. НОВОПЛЯНСКИЙ
Фото М. ОКУШКО

Рис. О. РЕВО

Г. ЦЫФЕРОВ
Рис. Л. ТОКМАКОВА

ЗЕЛЁНОЕ МОРЕ

Раньше Костя думал: море бывает только синее. Над ним — белые птицы и облака.

Но вот папа взял с собой мальчика на луг. Он поднял его кверху:

— Видишь, сколько цветов? Целое море...

Костя видел цветы, но почему они море — не понял. На другой день он пришёл сюда снова.

Дул крепкий ветер, шумели сосны в бору. По большому зелёному лугу катились большие зелёные волны.

Мальчику показалось — пахнет зелёной водой. Он снял рубашку и повесил её на высокую палку.

— Полный вперёд! Лево руля!

Корабль с пёстрым парусом бороздил зелёные волны. Проплыли мимо острова ромашек. Остались позади голубые заросли колокольчиков. А корабль всё плыл.

Домой пришёл Костя поздно. Мама хотела его отругать, но папа сказал: «Не надо».

Утром он подарил мальчику карту зелёного луга. На большом белом листе бумаги было нарисовано зелёное море. А на зелёном море — белые, голубые острова. И над каждым островом — название: «Остров Белой ромашки», «Остров Голубых колокольчиков».

КАРУСЕЛЬ

Бегали по кругу весёлые карусельные лошадки.

«Цок-цок!» Одна за другой.

Потом заспорили: «Кто первая?»

«Я первая», — сказала лошадка с золотой гривкой.

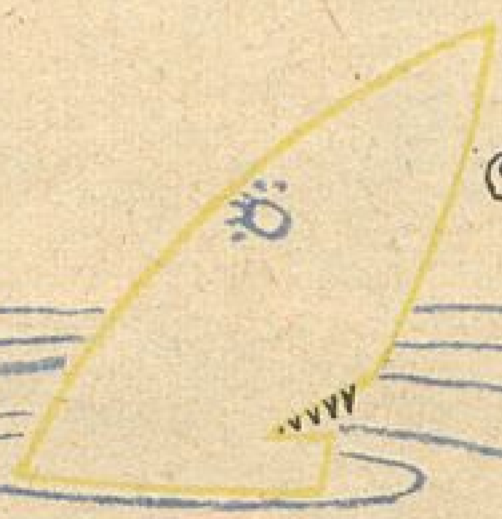
«Я вторая», — сказала лошадка с серебряным хвостиком.

«Я третья», — сказала лошадка с медной подковкой.

Пробежали круг, пробежали второй. Опять встали.

«Нет, — заплакала вдруг Золотая гривка. — Я не буду больше бегать. Почему, если я первая, впереди бежит последняя?»

ЖЁЛТАЯ АКУЛА



Сочинить можно что угодно. Можно сочинить песню. Можно сочинить сказку. А можно сочинить и картинку.

В детстве я очень любил рисовать корабли. Красные корабли с белыми парусами. Но вот однажды пришёл ко мне мой друг Митька и сказал:

— Плохо. Белые облака, белые паруса. Разве отличишь сразу?

И он нарисовал мне белый корабль с красными парусами. Получилось очень красиво, но Митька был всё-таки недоволен. И мы нарисовали ещё зелёные острова и жёлтую акулу.

С тех пор минуло немало лет. Я стал моряком. Видел много синих морей, зелёных островов. Прочитал даже сказку о белом корабле с алыми парусами. Но вот о чём я никогда не читал и что я никогда в жизни не видал, — это жёлтую акулу.

Её мы с Митькой очень хорошо сочинили.

В РЫБАЦКОЙ СЛОБОДЕ

Лето я провёл в Переславле-Залесском. В этом древнем городе есть не менее древняя речка Трубеж, на берегах которой стоит старинная Рыбацкая Слобода.

Я жил в одном из рыбацких домиков, недалеко от впадения Трубежа в Плещеево озеро. Озеро это огромно, как море.

И на озере и в Слободе на Трубеже — всё мне очень понравилось: и рыбаки с обветренными лицами, в огромных резиновых сапогах, и ребята, которые уже с детства по-серьёзному помогают своим отцам в трудном рыбацком деле, и рыбацкие домики с разноцветными наличниками, и лодки, выкрашенные в яркие краски и оснащённые подвесными моторами всех существующих марок, и удивительно красивая русская природа.

Почти вся жизнь здесь проходит на лодках. На лодках едут на озеро рыбачить,

купаться, в гости, на базар; на лодке переезжают на другой берег за водой к колонке, на сенокос.

Все ребята в Слободе — настоящие рыбаки. Ночью они рыбачат на озере со взрослыми, а днём с удочками стоят на берегу. Все они отчаянно плавают и ныряют. Но особенно меня поразило то, что они прекрасно знают подвесной мотор и управляют им не хуже заправских рыбаков.

Я подружился с мальчиком Серёжей. Он, правда, ещё совсем маленький — ему всего четыре года, но мы с ним очень приятно проводили время. Он умеет грести веслом и любит всем помогать в чём-нибудь. Мне он тоже помогал носить краски и бумагу, поливал воду, когда я умывался, и даже пытался помогать переносить мою разборную байдарку. Но больше всего он любил сопровождать свою бабушку, когда она ездила куда-нибудь по делам на лодке.

А. КОКОРИН

ПОВАР УЧИТСЯ

Юрий ЯКОВЛЕВ
Рис. В. ЛОСИНА

На кухне котлетам
Жарко, как летом.
Жарко борщам
И овощам,
Супу грибному
И всему остальному.

Повар учится.

Слышен каши тихий говор:
«Ну, куда ты смотришь, повар!
Помешай, говорю,
А не то пригорю!»

Повар учится.

Говорит ему фасоль:
«Я испытываю боль —
Каждая фасолина
В супе пересолена!»

Повар учится.

Плачут щуки в маринаде:
«Загляни в свои тетради:
Это надо быть без сердца,
Чтоб насыпать столько перца!»

Повар учится.

Вместо каши и супов
Он решил сварить... блинов.
Но воскликнули блины:
«Мы, блины, удивлены.
Мы, блины, не варимся,
Мы в воде развалимся!»

Повар учится.

Пламя весело играет,
Всё чадит и подгорает,
Всё клокочет и кипит,
Убегает и шипит:
«Долго будем мучиться?»

Пока он не научится.

НКУЭНГ — ОХОТНИК ЗА ЧЕРЕПАХАМИ

(Окончание)

Г. НОВОГРУДСКИЙ *Рис. Е. МОНИНА*

ГОСПОДИН ДЕНЬГИ ВЕРНУЛСЯ С ПУСТЫМИ РУКАМИ

Это произошло через несколько дней после того, как господин Деньги впервые ступил на остров. Его постигла неудача — поехал рыбу ловить, а вернулся с пустыми руками.

А тут как раз Нкуэнг подошёл на своём долблёном челноке с парусом. И, как всегда, с черепахой на буксире. Величиной она не выдалась, но черепаха есть черепаха. Нкуэнга добыча устраивала.

На берегу всё было как обычно: прибежали и, перебивая друг друга, что-то стали кричать отцу четверо его ребятишек, вышли из своих хижин соседи. Они помогли Нкуэнгу вытащить на прибрежный песок лодку, общими усилиями перевернули черепаху на спину, общими усилиями оттащили её к пальмам. Большая жемчужина тем временем была водворена в свой садок и получила положенную порцию гусениц.

Вся эта возня была привычным делом для островитян, но не для господина Деньги. Он наблюдал за нею сначала равнодушно, потом всё с большим интересом. «А ведь чумазые отлично придумали, — размышлял он. — Плюгавая рыбёшка, самодельная верёвка, челнок с циновкой вместо паруса... и, смотрите, какая добыча! Что, если самому поохотиться так? Среди моих знакомых никто ни о чём подобном понятия не имеет. Я буду единственным, ловившим громадных морских черепах с помощью прилипалы».

ГОСПОДИН ДЕНЬГИ ВЕДЁТ РАЗГОВОР

Белый подошёл к садку, в котором плавала прилипала. Нкуэнга поблизости не было.

— Эй, шоколадинка,—окликнул он стоявшую поблизости Руайю и показал на плескавшуюся в воде прилипалу. — Где её хозяин? Позови его.

Руайя побежала за отцом, Нкуэнг, не торопясь, подошёл к садку.

— Слушай, негр, — начал господин Деньги,— хочу купить рыбу.

— Какую, господин? — удивился Нкуэнг. — Я сегодня рыбу не ловил. А черепаху поймал. Хочешь, купи.

— Не нужна мне черепаха. Вот эту рыбу продай. — Господин Деньги ткнул пальцем в мутноватую воду садка.

Нкуэнг покачал головой. Белый просто не понимает, о чём говорит. Надо ему объяснить.

— Это Большая жемчужина, — сказал он. — Она мне друг, ей друг... — Нкуэнг дотронулся пальцем до плеча Руайи. — Всему моему дому друг. Она нас кормит.

«Здешние черномазые вовсе не так просты, как кажутся, — подумал про себя господин Деньги. — До чего негр ловко набивает цену! Придётся заплатить дороже».

Господин Деньги достал из кармана зеркальце и молча протянул девочке. Зеркальце было маленькое, овальной формы.

Большие чёрные глаза Руайи засверкали от радости.

Нкуэнг улыбнулся счастливому виду дочери и снова кивнул головой. На этот раз кивок означал благодарность пришельцу. Человек, умеющий доставить радость ребёнку, — хороший человек. А хороший человек, заметив, какое действие произвёл его подарок, уверенно заговорил.

— Рыба не может быть другом, — сказал он. — Рыба — это рыба. Её покупают, её продают. Если рыбы много — продают дёшево, если мало — дорого, совсем редкая идёт совсем по дорогой цене. Ты меня понимаешь, негр?

Охотник кивнул головой. Он отлично понимал белого. Белый говорит о рыбе, и говорит правильно. Но это не имеет никакого отношения к Большой жемчужине.

— Я вижу, что понимаешь. Ты умный негр. Ну так вот, слушай: я куплю твою прилипалу по самой дорогой цене...

— Я не продаю её, господин, — сказал Нкуэнг и еле заметно пожал плечами. Странный белый! Непонятливый.

ГОСПОДИН ДЕНЬГИ СЕРДИТСЯ

Разговор стал сердить белого, но он сдерживал себя.

— Слушай, негр,—примирительно сказал он,—

зачем нам тратить время? У тебя товар, у меня деньги. Ты был у жёлтого на шхуне?

Жёлтым господин Деньги называл минданайца.

— Был, — ответил Нкуэнг.

— Ты видел у него на прилавке ткани — пёстрые, красивые?

— Видел.

— А ножи? А острогу стальную, чтобы рыбу бить?..

— Видел.

— А большой медный таз?..

— Видел.

— Так вот... Ты получишь за прилипалу столько денег, что сможешь купить два куска пёстрой ткани, ножи разной величины, острогу и таз — самый большой, какой есть на шхуне. Тебе очень повезло, негр... Значит, договорились?

— Нет, господин. — Нкуэнг покачал головой. — Нет. Ты ведь уже слышал: Большую жемчужину я не продам.

— Не серди меня, чёрный! — Господин Деньги побледнел от ярости. — Тебе будет очень худо, если я рассержусь...

ОХОТНИК СНОВА СКАЗАЛ „НЕТ"

Нкуэнг видел, как разозлён белый, и всё-таки снова сказал «нет». Он не мог поступить иначе. Да и почему, собственно, ему надо было иначе поступать? Разве пришелец хозяин на острове?

Считая, что разговор окончен, он пошёл своей дорогой.

Это вывело господина Деньги из себя по-настоящему. Чтобы чёрный показывал спину... Неслыханная наглость!

— Стой, негр! — в ярости крикнул господин Деньги.

Но Нкуэнг шёл домой: он весь день ничего не ел.

— Стой, негр! — снова крикнул господин Деньги, хотя не знал, зачем кричит. Что надо сделать: убить чёрного? Слишком много неприятностей. Отколотить?..

И тут его осенило. Великолепно! Прекрасная мысль! И негр это запомнит, и ему будет не стыдно друзьям рассказывать.

— Стой, негр! — в третий раз крикнул он. — Смотри, что я делаю.

Нкуэнг обернулся. Он увидел, как белый достал из кармана бумажки, положил на песок и прижал осколком коралла.

— Видишь? Это деньги. Сколько обещал. А сейчас ещё смотри, хорошенько смотри!

Сказав так, белый подошёл к лодке, в которой плавала прилипала, и рывком перевернул её вверх дном.

ВОДЫ!!!

Вода хлынула потоком. Большая жемчужина осталась на суше. Как она забилась! Вправо метнулась — нет воды, влево — нет воды, подпрыгнула в воздух — нет воды... Изо всех сил ударилась она об устилавшую берег колючую коралловую крошку, будто надеясь, что это заставит землю вернуть отнятую влагу. Нет, ни единой капли воды не выступило на поверхности.

Жабры открывались всё судорожней, рот всё с большим трудом захватывал воздух.

Воды! Воды!! Воды!!!

ВСЁ ДЕЛО В СОЛНЦЕ

Нкуэнг видел издали, как белый перевернул садок с Большой жемчужиной. Неужели у господина Деньги помутился разум?

Ну, конечно! Иначе его поступка не объяснить. Ведь ни один человек не станет делать зла другому человеку просто так, ни с того ни с сего. Разве мог бы, например, он, Нкуэнг, ради своего удовольствия убить чужую рыбу-добытчицу, будь она даже самой никудышной?

Никогда!

И все те, кого он знает, тоже не сделали бы так.

А белый сделал. Почему?

Потому, конечно, что человек не в себе. У белого, наверно, голова слабая. Он здешнего солнца не выдержал. У него темя перегрелось, вот в чём дело. Его нужно усадить в тень и вылить на темя побольше холодной воды. Только с этим не надо медлить.

Но ещё раньше нужно спасти Большую жемчужину. Она отдышится, если попадёт в море.

УДАР

Нкуэнг припустился бегом, добежал до берега, схватил вываленную в песке неподвижную прилипалу.

Она чуть шевельнулась.

Отлично! Значит, будет жить. Правда, в океане, но что поделаешь!.. По крайней мере он будет знать: где-то его Большая жемчужина плавает, а не валяется мёртвой на берегу.

Прилипала снова чуть шевельнулась. Охотник широко замахнулся. Он хотел забросить рыбу подальше в море, чтобы её, обессиленную, не вынесло волной обратно на берег.

Но бросить не удалось. Сильный удар вышиб прилипалу из рук. Нкуэнг растерянно оглянулся. Перед ним стоял господин Деньги.

— Не трогай рыбу, негр, — произнёс угрожающий голос.

Нкуэнг хотел, не мешкая, снова поднять рыбу с земли, однако белый тоже не мешкал. Оттолкнув океанийца, он занёс над прилипалой ногу в тяжёлом ботинке и с яростью опустил её.

Это был конец.

— Что ты сделал, господин?! — успел только вскрикнуть Нкуэнг.

СОЛНЦЕ ТУТ НИ ПРИ ЧЁМ

Охотник и белый молча смотрели друг на друга.

Должно быть, смотреть на мир сквозь очки

не всегда удобно, должно быть, господин Деньги решил, что поговорить с негром лучше без очков. Он снял их.

И тогда Нкуэнг увидел глаза белого. Они его поразили. Что такое? С чего он решил, будто белый не в себе? Ничего подобного! У того, кто пострадал от солнца, глаза красные, воспалённые, взгляд блуждающий. А у белого глаза ясные, холодные, злые. Он, оказывается, совсем здоров, белый. Нкуэнг напрасно сваливал всё на солнце. Солнце тут ни при чём.

ХУЖЕ БАРРАКУДЫ

«Значит, вот он какой, господин Деньги! — думал Нкуэнг. — Его правильнее было бы назвать господин Зло. Он хуже барракуды, самой злой рыбы в океане, рыбы-убийцы. Та убивает, потому что родилась такой. А этому человеку что надо? Что ему сделала Большая жемчужина? Напала на него? Нет. Есть хотел, голодный был? Тоже нет. Так почему же он так поступил?»

Океаниец смотрел в холодные, как у барракуды, глаза белого и в них находил ответ на свои вопросы. Всё объясняется просто: господин Деньги — плохой, совсем плохой. Он думает только о себе и только себя считает человеком.

Каракатица делает чёрной вокруг себя воду, а он — жизнь. Если его не будет, всем станет светлей. Такого нужно...

Что с таким нужно сделать, океаниец не знал да и не задумывался. Ярость бушевала в Нкуэнге. Сжав кулаки, он двинулся на господина Деньги.

Белый испугался: негр ещё убьёт, пожалуй.

Придя к такому выводу, господин Деньги секунды не медлил. Со всей возможной быстротой он пустился бежать к моторке.

СКАЧОК

Господин Деньги бежал быстро, по-спортивному, экономя дыхание. И всё же Нкуэнг нагонял.

Он уже готов был схватить белого. Но в последнее мгновение господин Деньги сделал скачок в воду, вплавь добрался до катера, перевалил через борт, дёрнул узел каната, рванул за рычаг, нажал на педаль. Мотор заговорил, винт взбил пену. Между берегом и кормой судёнышка легла белая дорожка.

Охотник остался на берегу. Яростно следил он за мелькавшей над волнами лысой головой. Проклятый!.. Если бы не мотор...

ПИРАМИДКА ИЗ КОРАЛЛА

Над океаном спускался вечер. Нкуэнг медленно брёл домой. «Жалко рыбу! Ох, как жалко! — думал он. — До того жалко, что сказать невозможно. Не скоро раздобудет он вторую такую, а ещё вернее — никогда. Большая жемчужина была одна. Равную ей не найти».

Погружённый в свои мысли, охотник собрался свернуть на тропинку, ведущую к дому, как вдруг услышал, будто за кустами, загораживающими берег, кто-то плачет.

Океаниец остановился. Плач донёсся явственней. Нкуэнг пошёл на звук. Обогнув кусты, он увидел маленькую тёмную фигурку, освещённую предзакатными лучами.

Да это ведь Руайя!

Девочка сидела у песчаного холмика, насыпанного, видно, только что. Вершина его заканчивалась пирамидкой, сложенной из кораллов.

— Ты сложила? — спросил Нкуэнг.

Девочка подняла голову.

— Да.

— Там рыба?

— Да. Так будет лучше: крабам не достанется.

— Хорошо. Пойдём домой.

Руайя встала. У ног её что-то блеснуло. Нкуэнг пригляделся. Это было зеркальце.

— Смотри, потеряла, — показал он на подарок белого.

— Не потеряла — бросила, — сказала Руайя. — Не нужно оно мне, ничего от злого человека не нужно.

— Хорошо. Пойдём домой, — сказал Нкуэнг.

Больше до самого дома отец и дочь не произнесли ни слова.

ГРОЗНО ШУМИТ ОКЕАН

В ту ночь в доме охотника за черепахами долго никто не мог уснуть. Каждый лежал на своей циновке, но спать не спал: мысли мешали.

Нкуэнг думал: «Трудно сейчас будет без рыбы-добытчицы. Как семью прокормить?»

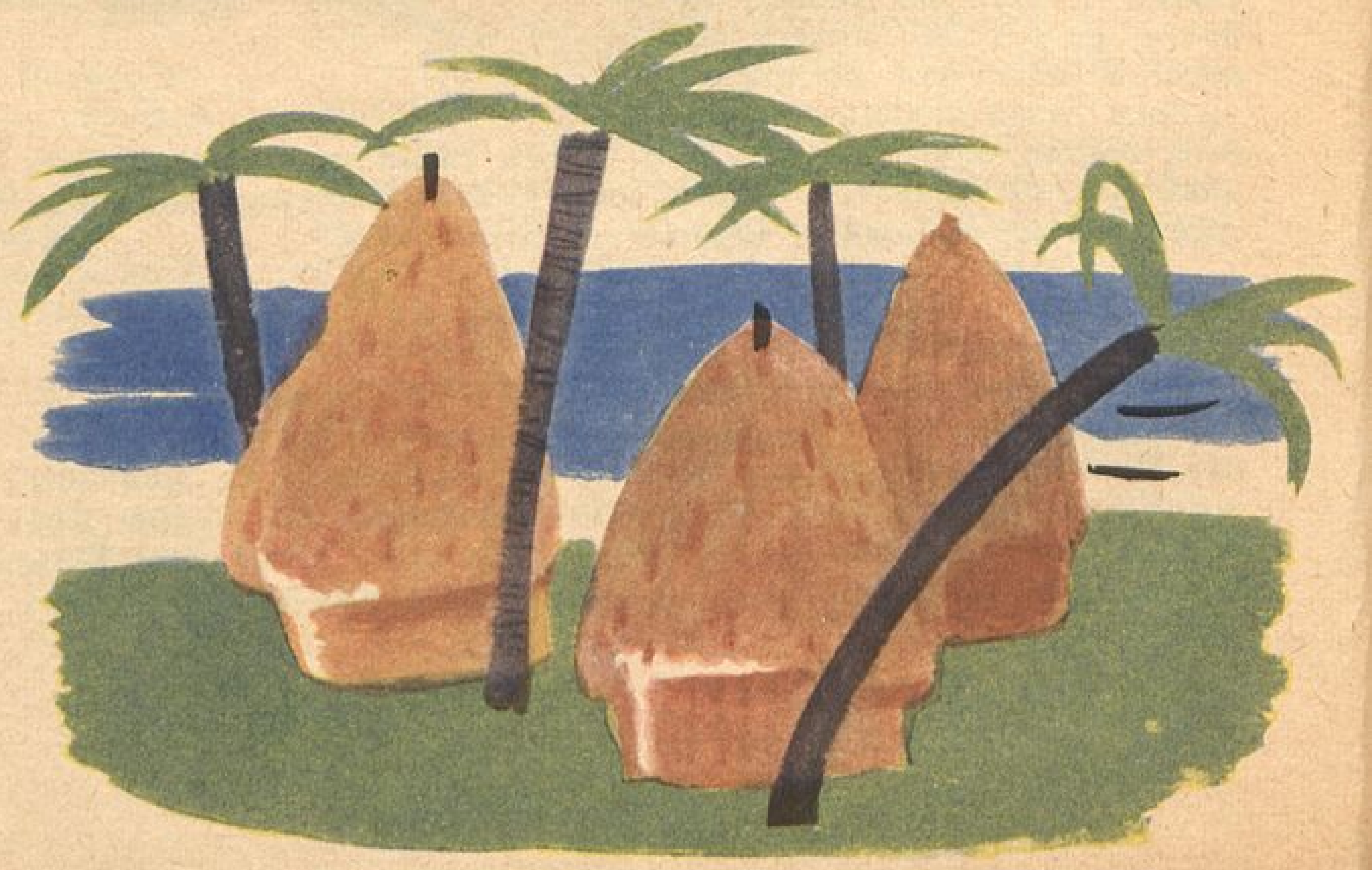
Жена охотника думала: «Жалко Нкуэнга, очень он гордился своей Большой жемчужиной».

Руайя думала: «Проклятый белый! Хоть бы он упал с палубы шхуны и утонул, хоть бы его акула схватила, когда сунется в воду, хоть бы большой кокос его по лысой голове стукнул...» Что же касается овального зеркальца, то оно у неё ещё будет. Большое. Такое, что всю её отразит и весь океан тоже.

Мальчики, поджав ноги к подбородку, тоже думали. Все об одном: вырастут, обзаведутся рыбами-добытчицами и станут такими же знаменитыми охотниками за черепахами, как их отец. И уж они-то господина Деньги на остров не пустят. Ни за что!.. Стрелять из ружей будут, если он на катере к ним приплывёт.

Тлели угли в очаге, каждый ворочался на своей циновке, а за тростниковыми стенами хижины грозно шумел Тихий океан.

Что-то он сердитый... Что-то он беспокойный стал...



КАК ПАПА ДРУЖИЛ С ДЕВОЧКОЙ

А. РАСКИН
Рис. А. КАНЕВСКОГО

Когда папа был маленьким, он дружил с одной девочкой. Её звали Маша. Она тоже была маленькой. И они очень хорошо играли вместе. Они построили красивый дом на песке. Они пускали кораблики в большой луже. Они вместе ловили в этой луже рыбу. И хотя они ничего не поймали, им было очень весело.

Маленький папа очень любил играть с этой девочкой. Она никогда не ссорилась с ним, не кидала в него камнями и не ставила ему подножек. И он был бы очень рад, если бы все его знакомые мальчишки были такими. Но они были совсем другими. И они его дразнили за то, что он дружит с девочкой. Они пели ему:

Тили-тили, тесто!
Жених и невеста!

Они нарочно разговаривали с маленьким папой, как с девочкой. Они говорили ему: «Ты пришла? Где ты была?» Они считали, что мальчику стыдно дружить с девчонками.

Маленький папа очень обижался на мальчишек и даже плакал.

А маленькая девочка Маша только смеялась. Она говорила: «Пусть дразнят».

И поэтому дразнить её было неинтересно. Мальчишки дразнили только маленького папу. А на девочку Машу они просто не обращали внимания. Но вот однажды во двор забежала большая собака. И кто-то вдруг крикнул:

— Бешеная собака!

Самые храбрые мальчишки побежали со всех ног кто куда. Маленький папа застыл на месте. А собака была уже совсем рядом. И тогда девочка Маша встала около папы и замахнулась на собаку лопаткой.

— Пошла вон! — сказала она.

И тут все увидели, что бешеная собака поджала хвост и побежала со двора. И все поняли, что она не бешеная. Она просто забежала на чужой двор. А собаки очень хорошо понимают, что такое чужой двор и что такое свой.

И на чужом дворе самая злая собака злится меньше. Когда все мальчишки увидели, что собака не бешеная, они бросились гнать её камнями и палками. Но для этого не нужно было большой смелости.

Это понимала даже собака. И, выскочив на улицу, она остановилась и зарычала. Тогда мальчишки ушли на свой двор и стали дразнить маленького папу.

— Ты больше всех испугался, — говорили они, — даже бежать не мог... Эх, ты!

Но маленький папа ответил:

— Да, я испугался. И вы все тоже испугались. Не испугалась только Маша.

Тут все мальчишки замолчали. Им было очень стыдно. А Маша сказала:

— Нет, я тоже испугалась.

И тогда все засмеялись. И больше никто не дразнил маленького папу тем, что он дружит с девочкой. И он долго дружил с Машей.

КЛЮКВА-ПОДСНЕЖНИЦА

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА
Рис. Г. СЕВЕРДЕНКО

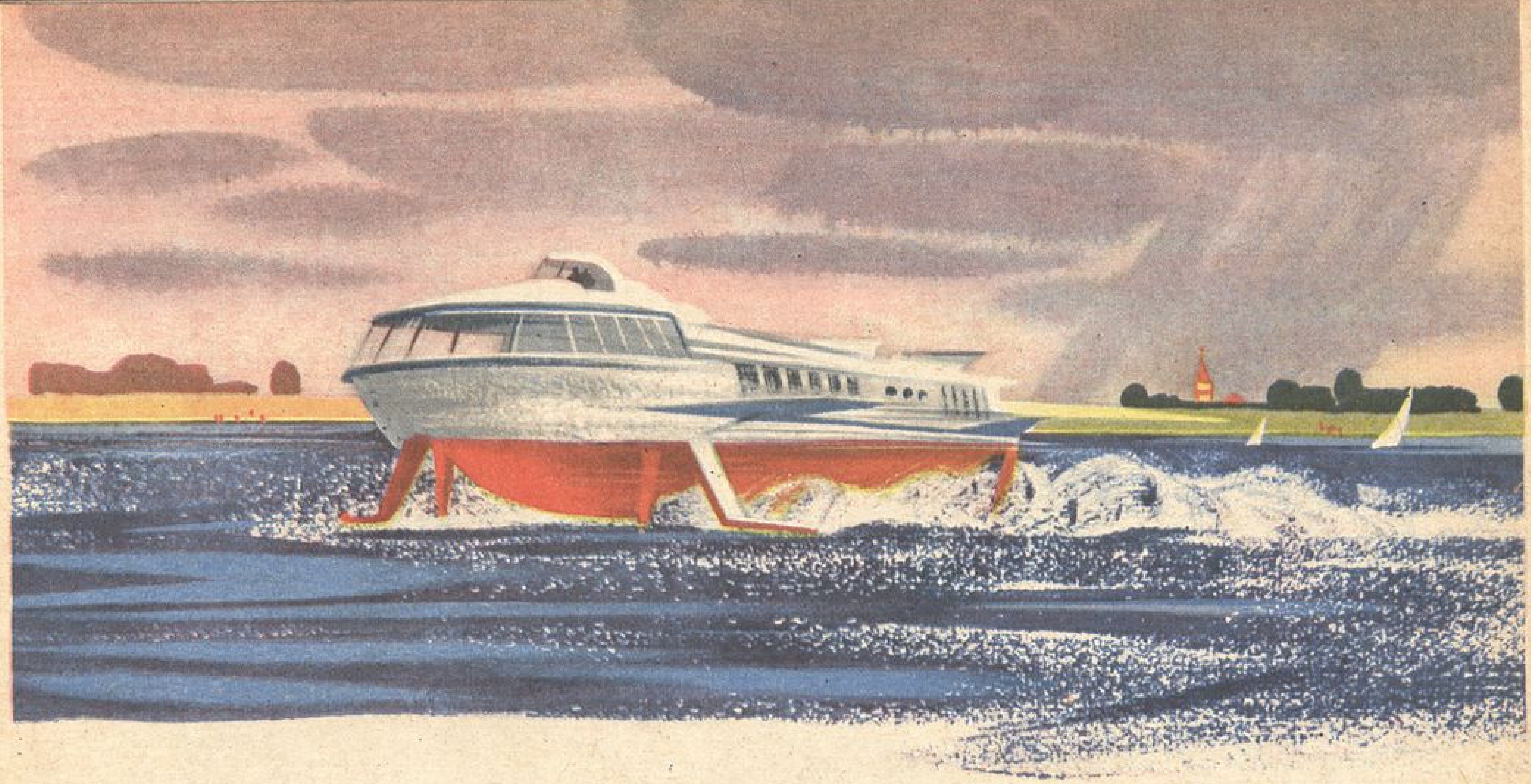
Как в сахарной пудре,
Дремлешь в снегу.
Найти тебя в тундре
Не сразу смогу.

Любишь понежиться,
Выждать свой срок...
Прыгай, подснежница,
В мой туесок!

КАК ЖЕ КРИЧИТ ЖИРАФА?

(Читайте десятый номер «Мурзилки»)

Нам, наконец, удалось узнать, как кричит жирафа. Заместитель начальника Зооцентра РСФСР Я. Г. Солодухо любезно ответил на этот вопрос. Вот что он пишет: «Зоологи долгое время не знали, есть ли голос у жирафы. Голосовые связки у неё слабо развиты, поэтому многие считали её безмолвной. Теперь установлено, что жирафа кричит, но очень тихо и своеобразно. Крик её похож на звук, который получается, когда полощешь горло. Жирафа-мать подзывает маленьких громким писком».



МЕТЕОР

Линия отреза

На нашем рисунке Волга, великая русская река. Мы недавно были на Волге и поняли, что недаром её называют дорогой России. Это настоящая дорога. Вверх и вниз по реке плывут тяжело нагружённые баржи, большие нарядные теплоходы везут туристов, торопятся с уловом рыбачьи моторки, юркие байдарки бороздят волны.

Всё в движении, все стремятся вперёд!

Но что случилось! Почему вдруг остановились баржи и пароходы, и только по самой середине реки, гордо поднявшись над водой, проплыл, нет, не проплыл, пролетел корабль. Мы едва успели прочитать его название — «Метеор». А когда он скрылся за поворотом, мы увидели, что на реке всё по-прежнему. Плывут, торопятся пароходы, спешат лодки, идут самоходные баржи. И мы поняли, что они и не останавливались. Просто «Метеор» плыл так быстро, что другие суда рядом с ним казались неподвижными.

Теплоход «Метеор» построен на Сормовском кораблестроительном заводе. Он потому может развивать такую большую скорость, что не тратит усилий на преодоление сопротивления воды. Во время движения весь корабль поднимается над водой; в воде остаются только подводные крылья.

Теплоходы на подводных крыльях смогут перевозить пассажиров и грузы по рекам нашей Родины со скоростью курьерского поезда.

Но не только по рекам. Скоро будут созданы морские корабли на подводных крыльях, которые помчатся во все концы света со скоростью более 100 километров в час. Им будут не страшны ни удары волн, ни сильные ветры.

«Метеор» нам очень понравился, и мы попросили художника Игоря Пяткина нарисовать его и сделать выкройки, чтобы вы, ребята, могли склеить модель корабля. Переверните страницу. Отрежьте её по пунктирной линии и наклейте на лист яркой цветной бумаги.

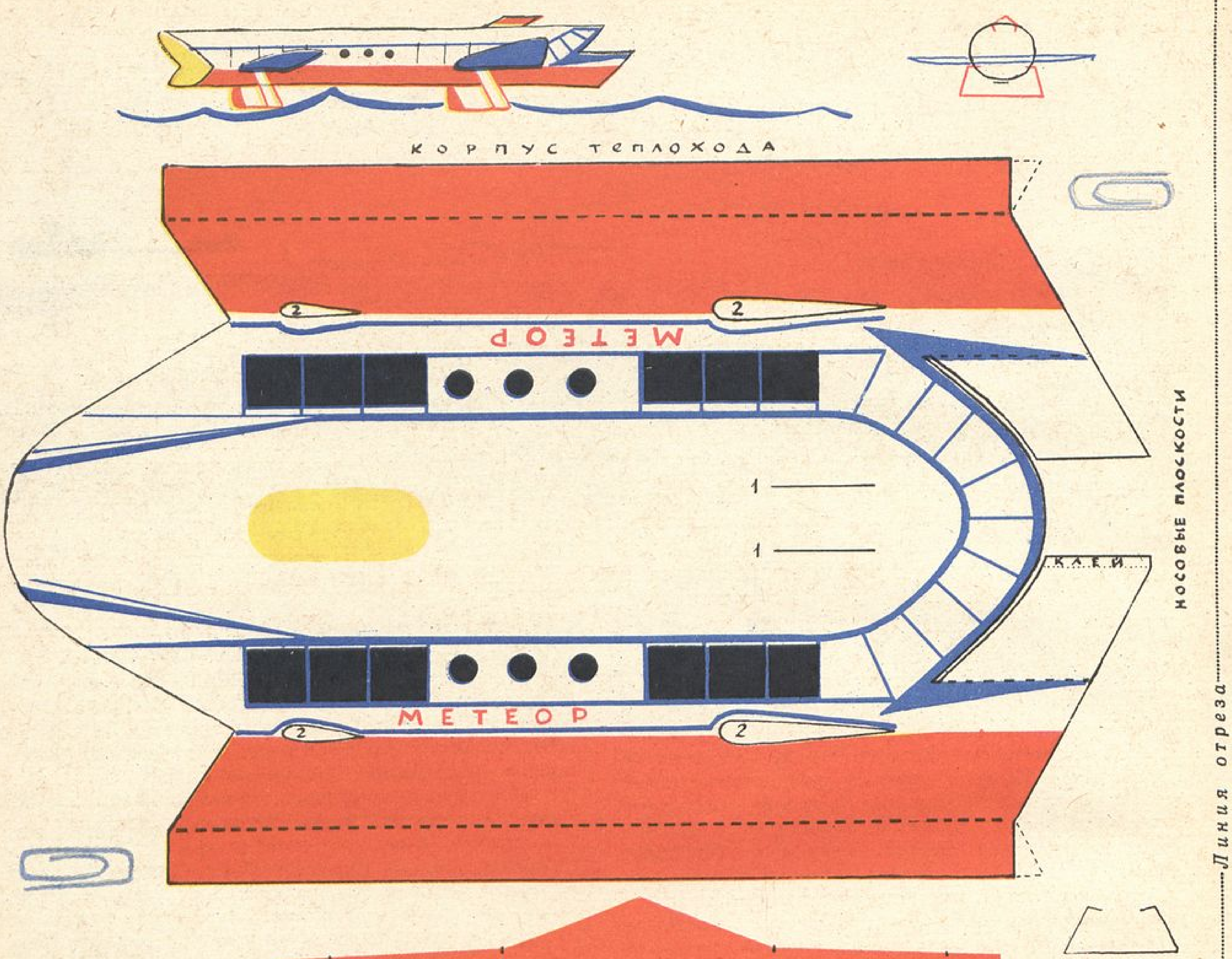
Теперь аккуратно вырежьте по контуру корпус и все детали корабля. В корпусе судна сделайте два подреза для рубки, обозначенные цифрой «1», и два выреза для крыльев, обозначенные цифрой «2». Отогните по контурным линиям нижние края корпуса судна и две носовые плоскости.

Вставьте рубку в подрезы 1, отогнув края, отмеченные пунктиром. Края корпуса судна скрепите канцелярскими скрепками. Склейте две белые плоскости носовой части по обозначенной линии. Корпус готов.

Сложите осторожно надводные крылья по форме рисунка 3 и вставьте в вырезы корпуса.

Подводные крылья согните по пунктирным линиям, как указано на рисунке 4, вставьте их отогнутыми краями в вырезы 2. «Метеор» готов.

Рис. И. ПЯТКИНА


КОРПУС ТЕПЛОХОДА
МЕТЕОР
1
1
КЛЕЙ
МЕТЕОР
2
2
2
2
НОСОВЫЕ ПЛОСКОСТИ
Линия отреза
4
ПОДВОДНЫЕ КРЫЛЬЯ
РУБКА
3
3
НАДВОДНЫЕ КРЫЛЬЯ

Г. СКРЕБИЦКИЙ
Рис. В. ФЕДОТОВА

Наступил последний осенний месяц — ноябрь. Всё живое в природе ждёт не дождётся зимы, ждёт, когда выпадет снег и укроет землю. Пруды и небольшие озёра замёрзли, блестят первым прозрачным льдом. Но ходить по льду ещё опасно, он ещё очень тонок.

В ноябре солнце показывается редко. Небо затянуто серыми, будто разорванными в мелкие клочья облаками. Частенько из них падают первые снежинки.

Скоро, скоро они закружатся в воздухе густым белым роем, беззвучно лягут на землю и укроют её до весны.

ГОСТИ С СЕВЕРА

Голодно в наших краях птицам поздней осенью и зимой, мало осталось корма, да и дни стали короткие, трудно успеть за светлое время дня еду себе раздобыть. Но по сравнению с далёким севером — тайгой или тундрой — у нас куда сытнее птицам живётся. Вот и летят они зимовать из этих суровых мест в наши края.

Стоит на опушке леса старая развесистая берёза. Листва с неё давно облетела, но зато на концах ветвей висят длинные буроватые серёжки, а в серёжках запрятаны семена. Отличная это еда для многих птиц. Прилетят к нам с севера стайки чижей или чечёток, заметят такую берёзу, мигом её облепят. Повиснут на ветках, как на качелях, и начнут выклёвывать из серёжек вкусные семена. Вот им и еда нашлась. Обчистят одно дерево, летят на другое, так и кочуют по светлым лесным опушкам.

Брусника.

А для других крылатых гостей с далёкого севера иная еда нужна. Красногрудые снегири и хохлатые красавицы свиристели — большие охотники до лесных ягод: рябины, калины.

ОНИ И ЗИМОЙ ОСТАЮТСЯ ЗЕЛЁНЫМИ

У травянистых растений стебли и листья к зиме вянут и засыхают. Так происходит у большинства растений, но не у всех.

Загляните поздней осенью в хвойный лес. Смотрите внимательно на землю под деревья и под кусты. Видите, что-то там зеленеет. Это небольшое растеньице — грушанка. Оно и не собирается увядать. У грушанки яйцевидные листья, собраны они в розетку. На ощупь её листья твёрдые, будто из кожи. Листья грушанки бывают зелёными до самой зимы, так их и снег засыпает. Зимой, под снегом, они тоже не вянут.

Чечётки на ветке берёзы.

А вот небольшой кустарник. Ветви его стелются по земле, как тонкие нити. Листочки круглые, совсем зелёные. Называется это растение «лесной чай». Оно тоже не увядает ни осенью, ни зимой. И черника с брусникой остаются всю зиму зелёными.

Зелёные растения поздней осенью можно найти не только в хвойном лесу, но и в широколиственном, и в поле, и на лугу.

Но не подумайте, ребята, что все эти растения, которые под снегом сохраняют зелёные листья, вообще никогда их не сбрасывают. Вечнозелёные растения тоже сменяют листья, но одни из них делают это раз в несколько лет, другие — раз в год, а есть такие, которые сбрасывают листья два раза в год — весною и в середине лета.

Семена клёна.

В ПОХОД ЗА СЕМЕНАМИ

Какие деревья рассеивают поздней осенью свои семена? В эту пору слетают на землю семена клёна. У кленового семени два твёрдых буроватых крылышка. Подхватит осенний ветер крылатое семечко, далеко отнесёт его от родного дерева. Опустится семечко на землю и будет лежать до весны. А там прорастёт, даст жизнь новому молодому деревцу.

Ребята, осенью нужно собирать и отдавать в лесничество не только жёлуди, но и семена клёна.

Весною начнутся посадки новых лесов, вот и пригодятся тогда собранные вами семена.

На обложке рисунок А. ИТКИНА «В Московском метро после демонстрации».

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), М. КОРШУНОВ, Ю. КОРИНЕЦ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, К. ОРЛОВА (ответственный секретарь), Е. РАЧЁВ.

Худож. редактор Ю. Молоканов Техн. редактор Г. Голубкова Год издания тридцать шестой. Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Подп. к печати 30/IX 1960 г. Бумага 60×92 1/8. Печ. л. 3 (3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1844.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон: Д 0-45-08.

35526

«К НЕИЗВЕСТНОЙ ПЛАНЕТЕ».
Рисунок Бориса СОПИНА, 11 лет, Москва.